

С. П.
Мелкий драм театр
(А. Додзин)

ПРЕМЬЕРА

В театре сегодня не принято философствовать, выпускать длинные спектакли. А уж продолжать на сцене дискуссию о социально-политическом устройстве России — упаси Боже!

В это самое время Лев Додзин ставит «Бесов» Достоевского. Три спектакля идут в один день: с двенадцати дня до десяти вечера. И из Ленинграда, переименованного словно в Васильевку, из нищего, провинциального города с облупившимися домами и блошиным рынком вдоль всего Невского, вы попадаете в Петербург. Человека приезжего потрясают лица: с таким выражением ходили, наверное, когда-то в этом городе в концерты и на философские собрания...

Конечно, это не случайно. Все предыдущие спектакли Додзина (кроме, может быть, последнего — «Для веселья нам даны молодые годы») упрямо вытягивали зрителя из нашей суетной действительности в другой мир, где жила такая правда, как истина и справедливость. Атмосфера спектаклей напоминала обстановку интеллигентного дома: все необычайно, полно неподдельного внимания к человеку.

Так и «Бесы» внешне подчер-

ально угаданные писателем испугания, перед которыми не устоял человек в двадцатом веке. Это Ставрогин — актер Петр Семак, муку которого почти физически ощущаешь на протяжении многих часов: это раздавленный химерический идеей Кириллов: спена его гибели — маленький шедевр спектакля, позволяющий говорить о новом большом артисте Сергее Курашине. И это, конечно же, члены революционного кружка, на глазах превращающиеся из людей со своими голосами и физиономиями в одно страшное целое. Природу этой почти неотвратимой для человека метаморфозы театр исследует анатомически подробно.

Если бы в петербургских «Бесах» не было ничего, кроме работы Сергея Бакстера в роли Петра Верховенского, этого спектакль стал бы событием театральной жизни. Актер играет почти что гениального адепта порочной доктрины — артистичного, расчеловеченного, которому невозможно не покориться. Но для

Моск. новости. 1992. — 19 апреля (сб) — с. 22

ПЕТЕРБУРГ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВМЕСТЕ С «БЕСАМИ»

фото Юрия БЕЛИНСКОГО

«Бесы». Ставрогин — артист Петр Семак.

нито аскетичны: одна свеча, музыкальная фраза, похожая на рыдание, простые дощатые помосты. Световой занавес, сквозь который, как через волшебный фонарь, оживают картины знаменитого романа.

Режиссер начинает с чистой и верной ноты: одна из лучших актрис его труппы, Татьяна Шестагова — Мария Лебядкина, рассказывает Шатову про свою жизнь. Здесь и провидение юродивой, на Руси — святой, и просто женский, материнский взгляд на суть вещей, всегда потрясавший писателя высшим здравым смыслом.

Искать концепция в этом спектакле занятие неблагодарное, так как сложнейший роман не адаптирован, но прочитан подробно и с необычайной ясностью, как будто перед нами не Достоевский, а Лев Толстой. Думаю, причиной тому не только время, все расставившее на свои места и обнажившее злобную суть нечеловечности, подавившей целую страну. Дело в нравственных ориентирах. Тот же Толстой сказал однажды: «Мне эта легенда, как Христос подошел к бесноватому и бес сказал ему: «Ты меня мучаешь», очень нравится. Так и теперь бес — Ницше, национализм, патриотизм, — слыша Христа, мечется».

Нет никого несчастнее в этом спектакле, чем люди, душами которых завладели бесы — все те гени-

Додзин все же глянцевое из триумфа Верховенского, а сопротивление бесовские.

...Мы не ценим то, что имели. Меня, например, до сих пор мучает: как мало хорошего слышал в последние свои годы Эфрос. А вот не стало его — и кончился тот Театр, который многие ругали, отвергали, но которым жили. Потому что в самом неудачном, громоздком, распадающемся на части эфросовском спектакле всегда была одна хрустальная момент, когда врывается на убогую сцену небесная музыка. Теперь ее не услышишь. Еще и поэтому хочу сказать: не зря так часто зовет за границу додзинскую труппу. Этот класс мастерства, это качество театральной культуры, может быть, единственное на сегодняшний день, чем обладаем только мы. Вот ничего в стране нет, маячит на горизонте члочекая тень хаоса, а мы легко, светло и вдохновенно читаем едва ли не самый мрачный в истории литературы роман. Потому что Россия, может быть, и впрямь последнее на земле место, где «без хлеба прожить можно, без «одной только красоты невозможно, ибо совсем ничего будет делить на свете».

Нина АГИШЕВА